

Джудит Фландерс

ВСЕМУ СВОЕ МЕСТО

*Необыкновенная история
алфавитного
порядка*

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Джудит Фландерс

**Всему свое место.
Необыкновенная история
алфавитного порядка**

«Альпина Диджитал»

2020

Фландерс Д.

Всеми свое место. Необыкновенная история алфавитного порядка
/ Д. Фландерс — «Альпина Диджитал», 2020

ISBN 978-5-00-139880-6

Книга историка Джудит Фландерс посвящена тому, как алфавит упорядочил мир вокруг нас: сочетая в себе черты академического исследования и увлекательной беллетристики, она рассказывает о способах организации наших представлений об окружающей реальности при помощи различных символических систем, так или иначе связанных с алфавитом. Читателю предстоит совершить настоящее путешествие от истоков человеческой цивилизации до XXI века, чтобы узнать, как благодаря таким людям, как Сэмюэль Пипс или Дени Дидро, сформировались умения запечатлевать информацию и систематизировать накопленные знания с помощью порядка, в котором расставлены буквы человеческой письменности. Название книги отражает универсальность авторского подхода: читатель найдет в ней и экскурс в историю лингвистики, и исследование возникновения каталогов, и обзор истории книгоиздания от Александрийской библиотеки до «Википедии». Словом, перед вами, без преувеличения, сокровищница знаний от А до Я (или от А до Z).

ISBN 978-5-00-139880-6

© Фландерс Д., 2020

© Альпина Диджитал, 2020

Содержание

Предисловие	8
1	15
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Джудит Фландерс

Всеми свое место: Необыкновенная история алфавитного порядка

Переводчик *Тамара Казакова*

Научный редактор *Михаил Сергеев*

Редактор *Анастасия Махова*

Издатель *П. Подкосова*

Руководитель проекта *А. Шувалова*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Корректоры *О. Петрова, Е. Рудницкая*

Компьютерная верстка *А. Ларионов*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Фоторедактор *П. Марьин*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Judith Flanders, 2020

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

Джудит Фландерс

ВСЕМУ СВОЕ МЕСТО

*Необыкновенная история
алфавитного
порядка*

Перевод с английского

Москва, 2023

Памяти моей бабушки Дорис К. Моррисон.

Она любила навести порядок!

Наиболее важные для нас аспекты вещей скрыты из-за своей простоты и повседневности. ...То, чего мы (до поры) не замечаем, будучи увидено однажды, оказывается самым захватывающим и сильным¹.

ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН.

Философские исследования (1953)

¹ Пер. М. С. Косовой и Ю. А. Асеева.

Предисловие

С древнейших времен письменность считалась даром богов: в Древнем Египте она была дарована человечеству Тотом, богом мудрости и знаний; в Вавилоне – Ану, богом судьбы; в Шумере ее передал людям Набу, «писец богов». Греки считали, что письменность принес человечеству Гермес, посланник богов; согласно другим источникам, ее подарил музам Зевс. В скандинавском мифе – это дар Одина; в Индии слогоголовый бог Ганеша использовал один из своих бивней в качестве пера; в мифологии индейцев майя творец мира Ицамна вначале дал имена созданным вещам, а потом наделил людей способностью записывать эти имена. Иудеи учили, что Бог передал людям искусство письма через своего посредника Моисея; в Коране Аллах – тот, кто «научил человека писать пером». Созданная в XV в. корейская письменность хангыль возникла через «небесное откровение, явленное разуму мудрого царя»².

Похоже, вопрос о том, как появилась письменность, является ровесником самой письменности. Вот почему умение писать, позволяющее нам читать, собирать информацию и передавать ее, кажется настолько очевидным, что мы едва ли сознаем всю значимость этой способности. Однако с чтением, письмом и тем, как мы этим пользуемся, все обстоит не так просто. Как мы увидим далее, в мире существует два основных типа письменности: алфавитное и слоговое письмо и письмо идеографическое. Насколько мы можем судить, алфавиту изначально придавали определенный порядок. Причина этого не установлена, хотя возможно, и даже вероятно, все дело в облегчении запоминания. Неалфавитные системы письма упорядочивались различными способами: по звучанию, по значению, по структуре или форме знака.

У читающих и пишущих на алфавитном языке, например на английском, не вызовет сомнений мое предположение, что элементы письменности должны быть определенным образом упорядочены. Принимается как должное, что наши системы письменности изначально использовались для сохранения мыслей; что впоследствии были изобретены способы, позволяющие возвращаться к этим мыслям, собственным или чужим. Ведь письменность является мощным инструментом, не только позволяющим персоне А уведомлять персону Б о том, что произошло или произойдет, или передавать и получать иную информацию, но и позволяющим персоне Б получить информацию об этих событиях столетия спустя после смерти А.

Сила письменности заключается в том, что она позволяет преодолеть время, а также в том, что создает искусственную память, или хранилище знаний, – память, находящуюся на материальных носителях, будь то глиняные таблички, стены, камень, бронза, папирус, пергамент или бумага. Именно так она и использовалась веками. Слова записывались и сохранялись. Как легко догадаться по характеру тех записей, что дошли до нас, предполагалось, что к ним будут обращаться впоследствии. Но каким образом мы освоили это искусство (или науку) «поиска записей»? Как мы научились находить то, что нам нужно и когда нам это нужно, в массе написанных слов, которые ежедневно окружают нас на протяжении тысячелетий?

Сегодня трудно представить, что невозможно что-то найти, то есть не знать, как пользоваться указателем, словарем или телефонной книгой. Еще труднее вообразить мир, в котором нет ни указателей, ни словарей, ни телефонных книг. Упорядочение и классификация, а затем обращение к материалу, организованному с помощью различных справочных инструментов, стали настолько неотъемлемой частью современного западного склада ума, что их значимость практически неизмерима и в то же время парадоксально незаметна. Ибо мы ежедневно, даже ежечасно обращаемся к классификации – и не только при помощи записей. Каждый день мы используем десятки устройств, даже не задумываясь о том, что они были специально разработаны, чтобы мы могли быстро и без усилий находить нужное.

² Цит. по: Wayne M. Senner, ed., *The Origins of Writing* (Lincoln, University of Nebraska Press, 1989), p. 12.

Например, в бумажнике есть кармашек для монет, более длинные отделения для купюр, короткие – для кредитных карт; в сумках есть петли для мобильных телефонов, карманы на молнии для ключей, вкладыши для проездных билетов. Однако их использование зависит от личного выбора: я могу положить свой телефон в карман, который кто-то другой использует для кошелька, и наоборот. Другие объекты должны быть упорядочены таким образом, чтобы их расположение было понятным широкой аудитории. В газетах статьи, освещающие внутренние события, отделены от международных новостей, статьи о спорте – от художественных обзоров или передовиц. Это сделано не для облегчения жизни газетчиков (один журналист может писать статьи на разные темы), но в помощь читателю. В свою очередь, размещение витрин в супермаркетах частично обусловлено технологическими ограничениями: до недавнего времени все охлажденные и замороженные продукты почти всегда размещались вдоль стен магазинов, где холодильные шкафы можно было подключить к электрическим розеткам; но в остальном для сортировки продуктов используются общие категории: мясо, рыба, свежие фрукты и овощи. Аналогичным образом мебельные магазины, такие как ИКЕА, сортируют свои товары по комнатам – здесь мебель для спальни, там предметы для кухни.

Эти способы настолько очевидны для нас, что мы едва ли рассматриваем их как систематизацию, тем не менее именно это они собой и представляют. Они позволяют людям, которые ищут информацию или материальные объекты, найти то, что им нужно. Однако все эти способы опираются на некоторые, пусть даже ограниченные, предварительные знания человека, выполняющего поиск. Читатель должен знать, что статья об Открытом чемпионате Франции по теннису (French Open) при классификации будет отнесена скорее к определенному виду спорта, а не к стране и будет помещена в газете в разделе «Спорт», а не среди международных новостей. Точно так же покупатели супермаркета будут искать помидоры в овощной секции, хотя формально это фрукт; и укроп, если он сухой, будет находиться в разделе специй, а если свежий, то в овощах.

Сходным образом почти все системы сортировки требуют от пользователей обладания некоторым объемом знаний. С нашей современной точки зрения, печатные списки и алфавитный порядок, по сути, синонимичны: мы предполагаем, что алфавитный порядок является (и всегда был) для человечества стандартным методом сортировки, позволяющим найти большую часть информации, содержащейся в письменных источниках. Но оказывается, что это совершенно не так. На протяжении веков предпочтение отдавалось целому ряду других способов сортировки – географическому, хронологическому, иерархическому, категориальному. Порой в расположении материала трудно найти какой-то определенный принцип: сам порядок вещей представляется настолько существенным, что его просто запоминают. Какой был смысл для средневекового священнослужителя располагать книги Библии в алфавитном порядке? Для него было очевидно, что Бытие предшествует Исходу, так же как для нас очевидно, что понедельник идет перед вторником, а сентябрь – перед октябрём. Однако если вы попросите кого-то назвать или записать дни недели или названия месяцев в алфавитном порядке, то, скорее всего, последует продолжительная пауза. Это на удивление трудно сделать, потому что дни и месяцы следуют друг за другом в «естественном» порядке, и это не алфавитный порядок³.

Другие типы категоризации и классификации, которые были естественными для прошлых поколений, сегодня кажутся такими же странными, как, например, попытка поместить август в начало списка месяцев на том основании, что он начинается с буквы А. Однако в мире, более стратифицированном, чем наш, иерархическое расположение когда-то представлялось вполне очевидным. В «Книге Судного дня» (поземельной переписи Англии и некоторых частей Уэльса, составленной по приказу Вильгельма Завоевателя в 1086 г.) была приве-

³ Эта точка зрения принадлежит: Mary A. Rouse & Richard H. Rouse, 'History of Alphabetization', *Dictionary of the Middle Ages*, Joseph. R. Strayer, ed. (New York, Charles Scribner's Sons, 1982), vol. 1, p. 205.

дена оценка стоимости 13 418 владений, которые сперва были расположены в зависимости от их статуса, затем по географическому принципу, затем опять согласно статусу и, наконец, по уровню богатства. Вначале шел король, затем – по регионам – высшее духовенство, могущественные бароны и, наконец, самые обычные земледельцы.

Разумеется, чтобы информация «Книги Судного дня» оставалась доступной для последующих поколений читателей, они должны были знать регионы Англии и Уэльса и иерархический порядок титулования. Ибо за все тысячелетия существования письменности сложилась только одна важнейшая система классификации, которая не требовала никаких предварительных знаний для поиска: расположение по алфавиту. Единственное, что следует выучить для использования алфавитного порядка, – это список из приблизительно (в зависимости от языка) двух дюжин знаков, имеющих установленную последовательность. Не обязательно знать, на каком континенте находится город, чтобы отыскать его в атласе, или знать, кто стоит выше в церковной иерархии – епископ или кардинал, чтобы обнаружить их имена в списке участников духовного собора. Не нужно знать, предшествовала ли Гражданская война в Англии Гражданской войне в США, чтобы найти сведения о ней в справочнике «Войны в истории»; и, разумеется, не нужно знать, является ли помидор овощем или фруктом, чтобы отыскать его в каталоге семян.

Алфавитный порядок в этом отношении совершенно нейтрален. Человек, имя которого начинается с буквы А, находится в начале списка не потому, что он крупный землевладелец, или что у него больше денег, или что он родился раньше всех из этого списка, а просто по прихотливой случайности алфавита. Отсутствие у букв значения или заранее определенной ценности делает алфавитный порядок инструментом сортировки, который не навязывает пользователям ни убеждения его создателей, ни даже образ мира, в котором он был создан. В 1584 г. составитель первой французской библиографии в посвящении, адресованном королю, извинялся за использование алфавитного порядка и признавал, что его выбор искажает иерархию, позволяя менее значимым людям появляться в списке перед более значимыми, детям – перед родителями, подданным – перед правителями. «Конечно, – писал он, – я чувствовал нечто неподобающее в соблюдении алфавитного порядка, то есть порядка А, В, С», но тем не менее настаивал на этой системе – не для того, как можно предположить сегодня, чтобы было легче найти соответствующие статьи, но для того, чтобы «избежать всякой клеветы и оставаться в дружеских отношениях со всеми»; иными словами, не нарушить, пусть и неосознанно, иерархию, поставив менее значительного человека впереди более великого⁴. Следовательно, в 1584 г. алфавитный порядок все еще оставался запасным вариантом, позволявшим избежать в публикации бестактности по отношению к общественному порядку.

Двести лет спустя, в конце XVIII в., в университетах Гарварда и Йеля колледжи по-прежнему использовали иерархию и статус в качестве основного критерия для сортировки учащихся, причем списки зачисленных составлялись по принципу состоятельности и социального положения семей учеников, а затем внутри этих разрядов выделялись те, чьи отцы учились в том же колледже. Личная успеваемость студентов обуславливала их повышение или понижение в списке класса в течение года, но на официальных мероприятиях порядок следования имен определялся с учетом социального статуса, согласно которому ученики входили в аудиторию и рассаживались по местам⁵. Сегодня невозможно представить себе расположение уча-

⁴ Имеется в виду библиографический труд Франсуа Грюдэ (Ла Кроа дю Мен): François Grudé, Sieur de La Croix du Maine, *Bibliothèque du sieur de La Croix du Maine, qui est un Catalogue général de toutes sortes d'auteurs qui ont écrit en français...* (1584). Предисловие к нему цитирует Роже Шартье: Roger Chartier, *The Order of Books: Readers, Authors, and Libraries in Europe between the Fourteenth and the Eighteenth Centuries*, trs. Lydia G. Cochrane (Cambridge, Polity, 1994), p. 77. (Издание на русском: Шартье Р. Письменная культура и общество / Пер. с фр. и послесл. И. К. Стаф. – М.: Новое изд-во, 2006).

⁵ Edward Tenner, 'From Slip to Chip: How Evolving Techniques of Information-gathering and Retrieval Have Shaped the Way We do Mental Work', *Harvard Magazine*, November – December 1990, p. 54. Я благодарна мистеру Теннеру за предоставление копии этой труднодоступной публикации.

щихся в зависимости от финансового состояния их родителей, расы или пола, цвета волос или их возможной популярности среди одноклассников (по крайней мере, это не афишируется). В нашу демократическую эпоху мы не сортируем учеников даже по успеваемости, хотя в прежние времена обычным был принцип «отличники сидят в первых рядах».

Главное преимущество алфавитного порядка, на наш взгляд, состоит в том, что он вообще ничего не сообщает о предмете классификации: «Алфавит помогает в поиске [или организации] вещей, но не в их понимании. Он не может сказать вам, почему кит имеет больше общего со слоном, чем с акулой»⁶. Алфавит нейтрален по отношению к значимости вещей и просто направляет пользователей к источнику, из которого они могут узнать об их значении или ценности.

И все же, если рассматривать алфавитный порядок с такой точки зрения, он выглядит удивительно бесполезным. Его главное свойство – нейтральность – предполагает, что он лишен собственного смысла, и именно поэтому он редко применяется в качестве исходного принципа. Телефонные книги, которые на первый взгляд кажутся полностью алфавитными, используют как минимум два фильтра предварительной сортировки: сначала по стране, затем по региону или городу (оба географические), затем по принадлежности к определенному типу, жилому или деловому (профессиональному) и только после этого доходят до алфавитного. Школы, которые используют алфавитный порядок для записи учеников в журналах, сначала делят детей по классам (возрасту), а уже затем – по алфавиту. Книжные магазины и библиотеки тоже редко (или вообще никогда) полагаются исключительно на алфавитную систему организации. Моя фамилия начинается с Ф, как и у Фрэнсиса Скотта Фицджеральда. Это совпадение ничего не скажет читателям о наших книгах, если они увидят их рядом. Вот почему практически во всех книжных магазинах «Фландерс» и «Фицджеральд» оказываются в разных отделах: «Фицджеральд» – в художественной литературе, «Фландерс» – в научно-популярной литературе (первый уровень сортировки). Затем «Фландерс» помещается в раздел «История», а «Фицджеральд», вероятно, в художественную литературу XX в. (второй уровень); затем их следует искать, соответственно, в разделе «История Европы» и среди авторов (третий уровень), и только внутри этих секций книги будут расположены по алфавиту имен авторов – Фа, Фе, Фи, Фл...

Конечно, в домашнем книжном шкафу ничто не препятствует Фицджеральду и Фландерсу оказаться рядом, если их владельцы решили использовать алфавитный порядок в качестве основной системы сортировки. Если классификация предназначена для узкого круга или вообще для одного человека, могут использоваться и более специфические или индивидуально значимые системы, основанные на знаниях, которыми обладают пользователи: например, рядом ставятся все книги в желтом переплете; книги, доставшиеся от родителей; или расстановка производится в географическом или хронологическом порядке, по месту или дате покупки.

Новеллист и эссеист Хорхе Луис Борхес весьма образно и выразительно напомнил, что в действительности все способы сортировки по своей природе расплывчаты: мир хаотичен, следовательно, и способы рационализации и классификации для его описания тоже должны быть хаотичны. «Очевидно, – писал он, – не существует классификации Вселенной, которая не была бы произвольной и гипотетической... невозможность проникновения в божественный замысел устройства Вселенной не может отвлечь нас от конструирования собственных моделей, даже если мы осознаем всю их условность». Он издевается над натурфилософом XVII в., который пытался посредством категоризации и классификации создать искусственный всеоб-

⁶ Peter Birks, ed., 'Introduction', *The Classification of Obligations* (Oxford, Clarendon, 1997), p. v. Я благодарна судье Николасу Касиреру, чьи размышления об алфавитном порядке и законе побудили меня обратиться к этой работе: 'Pothier from A to Z', in *Mélanges Jean Pineau*, Benoît Moore, ed. (Montreal, Éditions Thémis, 2003).

щий язык, подчеркивая присущие ему «двусмысленность, избыточность и недостаточность» и утверждая, что они напомнили ему о некоей китайской энциклопедии (возможно, воображаемой и изобретенной самим Борхесом), которая классифицировала всех животных, разделяя их на следующие группы: «(а) принадлежащие Императору, (б) бальзамированные, (в) дрессированные, (г) поросята, (д) русалки, (е) сказочные звери, (ж) бродячие собаки, (з) включенные в эту классификацию, (и) трясущиеся, как сумасшедшие, (к) неисчислимые, (л) нарисованные тончайшей кистью из верблюжьего волоса, (м) прочие, (н) только что разбившие вазу для цветов, (о) похожие издали на мух»⁷.

Классификация и инструменты сортировки, которые человек для нее создал, могут быть не столь причудливыми и запоминающимися, как вымышленная китайская энциклопедия Борхеса, но путь, пройденный от появления алфавита около 2000 г. до н. э. к постепенному становлению алфавитного порядка в качестве способа сортировки примерно три тысячи лет спустя, в XIII в. н. э., не менее богат сюрпризами и чудесами⁸. Ведь этот порядок в конечном счете близок магии – в самом деле, волшебное заклинание «абракадабра», использовавшееся с античных времен, представляет собой слово, составленное из первых четырех букв латинского алфавита⁹. Этот волшебный инструмент, алфавит, наделяет способностью упорядочивать многовековую историю идей, знаний, литературы и научных открытий. Сортировка и классификация позволяют нам находить нужную информацию, а затем распространять ее. Без упорядочения все накопленные человечеством знания покоились бы в бесчисленных стопках книг – ненайденные, непрочитанные и неизвестные.

Несмотря на это, существование алфавитного порядка на протяжении большей части его истории оставалось практически незаметным. Его изобретали и объясняли, изобретали заново и снова объясняли. Но, едва устоявшись, он быстро отошел на второй план, стал настолько привычным, что его существование просто перестали замечать. Изучая развитие алфавита, историк сетовал на то, что этот предмет недостаточно исследован: он сокрушался, что нет ни академической дисциплины под названием «История письменности», ни музея, ни даже раздела музея, посвященного ей. Эта область исследований была поделена между (перечислим в алфавитном порядке) антропологией, археологией, ассириологией, египтологией, мезоамериканистикой, палеографией, синологией, филологией и этнологией¹⁰. (Отметим, что с тех пор, как это было написано, успешно развивалось научное собрание Музея письменности, находящегося под руководством Лондонского университета.) Но хотя бы какие-то научные дисциплины ею занимаются! Историки Европы раннего Нового времени приступили к изучению практик архивирования и упорядочения информации, возникших в эпоху Ренессанса, однако для написания большей части истории классификации нам приходилось читать между строк и двигаться в обратном направлении: от конечных результатов – моделей классификации, дошедших до наших дней, – к предположениям относительно намерений их создателей.

Возможно, классификация в целом и алфавитный порядок в частности оставались вне поля зрения под влиянием другого устойчивого представления, связанного с чтением: мы подразумеваем, что основным объектом чтения является нарратив, или повествование. Будь то роман о жизни в Сибири, история Римской империи или правительственный доклад о послед-

⁷ Jorge Luis Borges, 'The Analytical Language of John Wilkins', *Other Inquisitions, 1937–1952*, trs. Ruth L. C. Simms (London, Souvenir, 1973), p. 104, 103. Сочинение Джона Уилкинса 1668 г., о котором идет речь: *An Essay Towards a Real Character, and a Philosophical Language* (Scolar, 1968).

⁸ Чтобы помочь читателю разобраться в этих тысячелетних прыжках, [в конце книги](#) приведена простейшая хронологическая таблица. – *Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

⁹ Слово «абракадабра» определенно связано с первыми буквами алфавита «abcd», больше о нем ничего нельзя утверждать с уверенностью. *Oxford English Dictionary* датирует самое раннее употребление слова в латинском языке четвертым веком, но осторожно поясняет, что приведенную этимологию невозможно подтвердить.

¹⁰ David Diringer, Reinhold Regensburger, *The Alphabet: A Key to the History of Mankind* (rev. edn, London, Hutchinson, 1968), vol. 1, p. 1.

ствиях урагана, наше представление о чтении предполагает, что нам рассказывают какую-то историю, где события происходят в определенной последовательности, одно за другим, и у них есть смысл – или, если нет, смысл заключается в том, что они не имеют смысла. Ожидается, что читатели начнут с первых строк эссе, газетной статьи или книги, затем продолжат до конца, и на этом процесс чтения завершится. Однако существует множество других типов чтения, которыми мы пользуемся ежедневно: мы пробегаем текст по диагонали, пока не найдем что-то, что привлечет наше внимание; мы просматриваем текст в поисках конкретного места или необходимой информации; исследуя текст, мы вникаем в него, но прерываем чтение, чтобы посмотреть сноски, осмыслить авторское отступление, проверить источник в другой книге или найти определение или объяснение в справочниках; наконец, мы возвращаемся к знакомому тексту, чтобы вновь встретиться с чем-то, что мы уже знаем¹¹.

Однако даже перечисленные виды чтения составляют лишь крошечный процент в читательской практике большинства людей. Кроме этого, мы читаем карты и маршруты навигаторов; читаем шапки фирменных бланков; читаем рекламные тексты в каталогах туристического снаряжения; читаем расписание поездов или автобусов; читаем дорожные знаки на автострадах и знаки парковок; читаем информацию о часах работы магазинов, а также вывески с их названиями, чтобы отличить их от магазинов по соседству; читаем инструкции на упаковках лекарств и инструкции о том, как включить программу самоочистки духового шкафа; мы читаем меню и наш список деловых встреч на каждый день. И конечно, для получения информации мы просматриваем множество перечней, составленных по алфавиту: адресные книги, телефонные книги и списки контактов, указатели к книгам или картам или списки людей с фамилией Браун в «Википедии». Иными словами, большая часть нашей читательской практики связана не столько с повествованием, сколько с извлечением определенной информации, которую часто можно найти путем поиска в алфавитных перечнях¹². Но об этой форме чтения никогда не пишут в книгах и журналах, ее не изучают в университетах. Зачастую ее даже и не считают чтением. И все же дома, в школе и на работе мы делаем заметки, которые приобретают форму перечней покупок, отчетов, статей, писем, финансовых смет или других рабочих документов; мы составляем списки – для наших страховых компаний, для адресной книги, для инвентаризации имущества или библиотеки, для офисной картотеки.

В книге «Всеу свое место» я делаю попытку взглянуть на историю упорядочения и классификации, на обстоятельства их возникновения и особенно на роль алфавита в этом процессе. Добрая часть нашей жизни уходит на создание архивов документов, а затем на разработку способов поиска этих документов. Само слово «архив» происходит от греческого слова *arkheion*, которым называлась резиденция властей, место, где хранились не только правительственные документы, но также документы частных лиц, отданные ими на хранение. И по этой причине, как заметил один из первых составителей алфавитных списков Исидор Севильский (см. главу 2), «сундук» (*arca*), «архив» (*archivum*), а также «тайное знание» (*arcanum*) представляют собой одно понятие¹³. Архив (помещение) и архив (документы, которые в нем хранятся) являются одновременно и вместилищем, и содержимым, в то время как сортировка – в

¹¹ Эти формы чтения рассматриваются Патрисией Райт: Patricia Wright, 'The Need for Some Theories of NOT Reading: Some Psychological Aspects of the Human – Computer Interface' in Ben Isendoorn, Herman Bouma, eds., *Working Models of Human Perception* (London, Academic Press, 1989), p. 320–21. Сэмюэль Джонсон разделял свое чтение на «усердное изучение», которое включало в себя внимательное чтение и ведение записей; «прочтение» или поиск чего-либо; «чтение из любопытства», относящееся к романам или историческим повествованиям; и «просто чтение» газет, журналов и других текущих материалов. Цит. по: Ann Blair, 'Reading Strategies for Coping with Information Overload, ca.1550–1700', *Journal of the History of Ideas*, vol. 64, no. 1, 2003, p. 13.

¹² Идея о том, что чтение по большей части ориентировано на цель, а не подчинено повествованию, сформулирована в: Mike Esbester, 'Nineteenth-century Timetables and the History of Reading', *Book History*, vol. 12, 2009, p. 159–60.

¹³ Stephen A. Barney, W. J. Lewis, J.A Beach, Oliver Berghof, Muriel Hall, eds. and trs., *The Etymologies of Isidore of Seville* (Cambridge, Cambridge University Press, 2006), p. 401.

алфавитном порядке или согласно любой другой системе – является инструментом, который нужен нам, чтобы ориентироваться в них, своего рода картой, которая проведет нас через загадочный и тайный бумажный мир. Сундуки, использовавшиеся для хранения бумаг на протяжении большей части истории, имели форму ковчега, которая возвращает нас к Библии, Ковчегу Завета и Ноеву ковчегу – хранилищам Слова Божьего, человечества и царства животных. Ковчег – это обыкновенные деревянные ящики для книг и документов, и тем не менее они символизируют мудрость веков, Божий завет человечеству¹⁴.

Билл Гейтс назвал разработку транзистора в 1947 г. «ключевым переходным событием в наступлении информационного века». Другими ключевыми моментами, согласно историкам, стали изобретение письма, двойной записи (в бухгалтерии), книгопечатания, телеграфа и компьютера. В этом перечне примечательно то, что все названные изобретения создавали не новые знания, а новые пути, открывающие доступ к знаниям. Не машины (телеграф, печатный станок, даже компьютер) произвели революцию в мире, но процессы, на фоне которых возникли изобретения: они стали своего рода программным обеспечением для устройства печатных станков, телеграфа или компьютера. Чтобы новые типы программного обеспечения могли выполнять свою функцию, понадобились системы организации данных и особенно алфавит (азбука, появившаяся тысячелетиями раньше), которые открыли им путь в мир нового информационного порядка. Перед вами история о том, как это все произошло.

¹⁴ Mary J. Carruthers, *The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture* (Cambridge, Cambridge University Press, 1990), p. 43.

1

Античность *от ранней до классической*

У многих языков древнейшая форма «письменности» отличалась от той, которая привычна нам сегодня. В ней не использовался набор символов, которые мы называем буквами: эти символы обозначают звуки, а их комбинации составляют слова. Вместо этого древнейшее письмо состояло из картинок, нарисованных на скале, которые, по-видимому, использовались для религиозных обрядов, а не для передачи абстрактных мыслей или обозначения конкретных вещей. Впоследствии появились пиктограммы, в которых стандартные общепринятые изображения использовались для представления определенных объектов. Пиктограммы появились независимо по всему миру, от Ближнего Востока до Австралии и во многих частях Америки. За ними последовало идеографическое письмо, где пиктограммы стали обозначать уже не предметы, а идеи, связанные с этими предметами: окружность могла символизировать солнце или свет, сияние или день. Этот вид письма также обнаружен по всему миру, от Китая до Северной и Центральной Америки, Африки, Австралии и Сибири¹⁵.

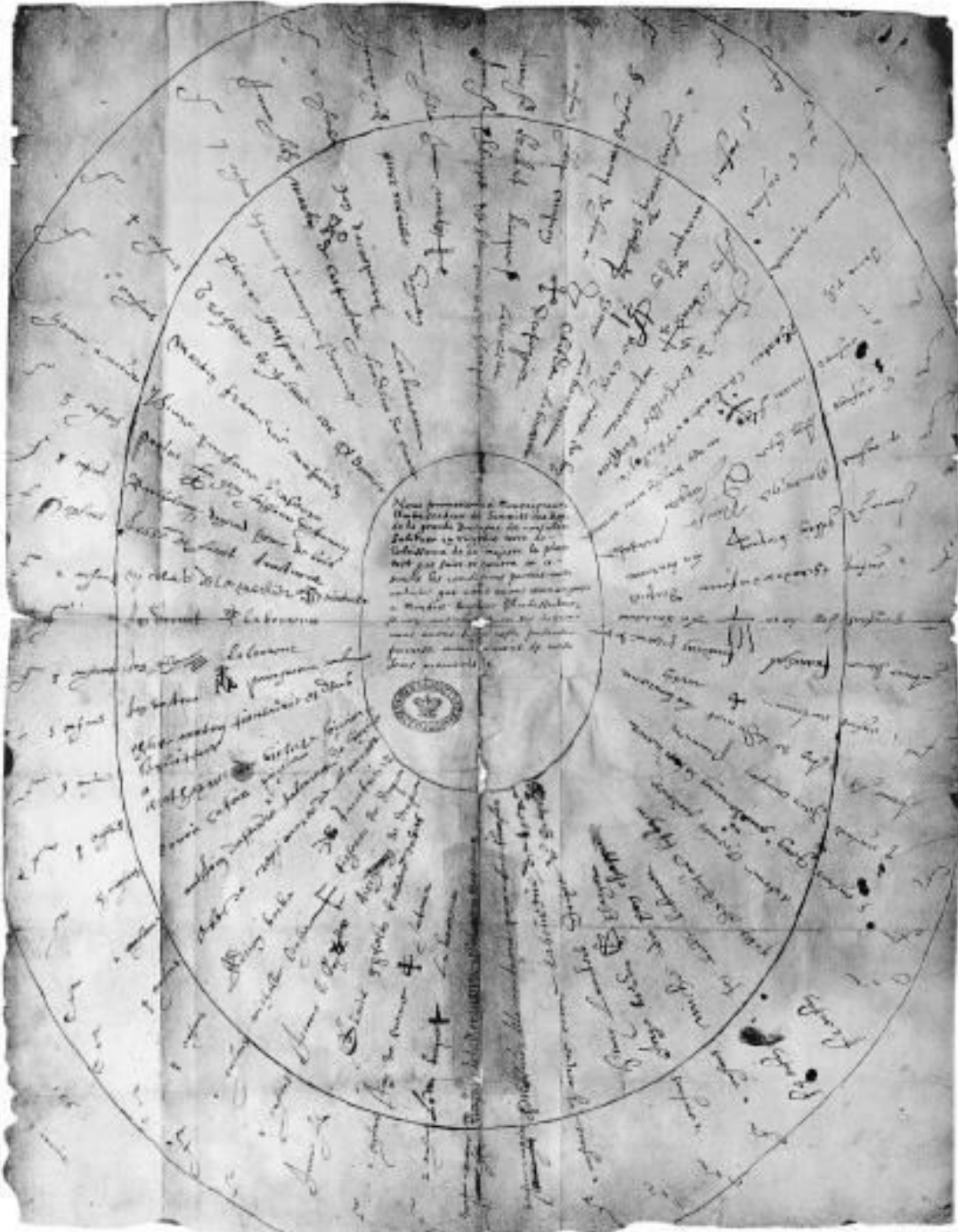
Первая в мире сложная система письма, шумерская клинопись, развивалась по этому пути и около 3500 г. до н. э. перешла от пиктографических символов к идеографическим, от обозначения предметов к обозначению абстрактных понятий. Шумерская клинопись представляла собой линейную письменность, знаки которой обычно собирались в столбцы, читавшиеся сверху вниз и слева направо. Этот порядок также представлял собой абстракцию: миру не свойственна линейность, и в реальной жизни объекты не располагаются сами по себе по горизонтали или по вертикали. Древние наскальные рисунки, которые, как считается, были созданы в ритуальных целях, вероятно, приобретали определенную форму и расположение в зависимости от места их изображения на стене пещеры или от желания самих живописцев, которые могли придать им символический, художественный или даже случайный порядок. Тем не менее практически в каждой новой форме письменности, появившейся после клинописи, использовались ряды знаков, имевшие определенное начало и конец¹⁶. Это требование стало настолько универсальным, что всякое отклонение от него было весьма примечательно и обычно служило для конкретной цели, как, например, «круговые» подписи в жалобах в высшие органы власти, когда заявители подписывались по кругу, чтобы нельзя было установить зачинщика.

Затем шумерская письменность совершила еще один концептуальный скачок, создав способ обозначения грамматических частей речи с помощью уже существующих символов для

¹⁵ Diring and Regensburger, *The Alphabet*, vol. 1, p. 5–11.

¹⁶ Согласно Дону Боуису: Don G. Bouwhuis, 'Reading as Goal-Driven Behaviour', in Elsendoorn and Bouma, *Working Models of Human Perception*, p. 344–5

слов, совпадающих по звучанию с соответствующими грамматическими элементами. Такую систему звукообозначения легче объяснить англоговорящим людям, которые знакомы с ее использованием в ребусе, традиционной игре-головоломке. Например, в ребусе изображение глаза (*eye*) может представлять слово *I* (я), изображение овцы (*ewe*) – слово *you* (ты) (см. рис. далее).

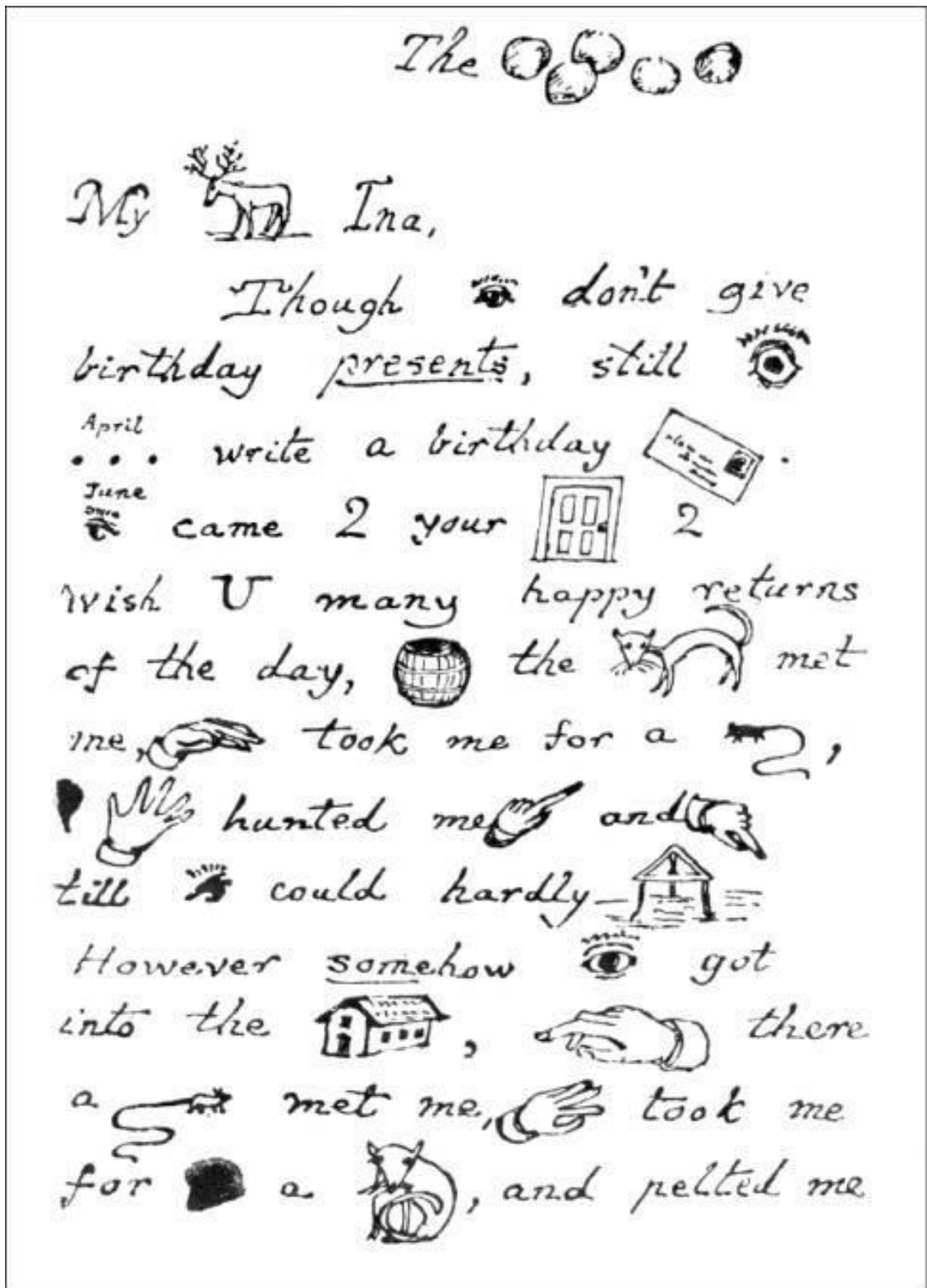

Круговая подпись под петицией о праве гугенотов на поселение в Новом Свете (1621). Петиция размещена в центре и читается сверху вниз и слева направо, в то время как подписи расположены нестандартно, чтобы скрыть имена авторов¹⁷

¹⁷ Библиотека Брауновского университета

Шумерская письменность стала бюрократическим инструментом в период быстрой урбанизации, когда влиятельный высший класс контролировал крупномасштабное гражданское строительство, а также создание и расширение сложных распределительных сетей, необходимых для доставки питания жителям новых городов. Однако, несмотря на всеобщее признание, письменность была доступна только для элиты. Обучение шумерской клинописи требовало времени и способностей: необходимо было запомнить около трехсот основных символов и еще почти тысячу символов, используемых менее часто. Кроме того, многие из них использовались в сочетаниях, что позволяло передавать всё новые значения: например, символ «гора» также имел значение «чужая страна», а когда он использовался вместе с символом «женщина», составной символ значил «рабыня»¹⁸.

¹⁸ Описание клинописи по: Diringер and Regensburger, *The Alphabet*, vol. 1, p. 18–20; Piotr Michalowski, 'Mesopotamian Cuneiform' и Jerrold S. Cooper, 'Sumerian and Akkadian', in Peter Daniels and William Bright, eds., *The World's Writing Systems* (New York, Oxford University Press, 1996), p. 33–6, 37–57.

Первая страница письма в форме ребуса от Льюиса Кэрролла, автора книги «Приключения Алисы в Стране чудес» (1865). Обратите внимание, что союз *and* представлен изображением руки (*hand*), предположительно с опущенной буквой Н (*'h'and*), что характерно для многих английских диалектов¹⁹²⁰

¹⁹ Письма-ребусы Л. Кэрролла часто начинались с изображения оленя, поскольку слово *deer* (олень) на слух неотличимо от прилагательного *dear* (дорогой), с которого начинаются практически все англоязычные письма. – Прим. ред.

²⁰ Бодлианская библиотека Оксфордского университета

К 3000 г. до н. э. торговые пути между Месопотамией и Древним Египтом были хорошо налажены. По этим путям в обоих направлениях распространялись не только товары, но и идеи, и одной из таких идей стала система фонетического письма. Первоначально новые египетские иероглифы были пиктографическими, то есть обозначали предметы, но в течение столетия египетское письмо совершило тот же концептуальный скачок, что и клинопись, применив ребусоподобную игру слов для передачи отвлеченных значений. К 2000 г. до н. э. в Древнем Египте использовалось 700 стандартных иероглифических знаков; две тысячи лет спустя их число выросло до 5000. В конечном счете в Древнем Египте сформировалось четыре типа письма: собственно иероглифы как таковые, упрощенная форма иероглифов (известная как иератическое, или священное письмо) и два варианта скорописи. Скорописью и иератикой можно было писать быстрее и легче, чем древними иероглифами, хотя они продолжали использоваться в надписях, на памятниках и на общественных или религиозных изображениях; скоропись использовалась для писем, записи деловых сделок и других повседневных дел, в которых скорость письма была важнее его внешнего вида.

Клинописная табличка, ок. XX–XVI вв. до н. э.²¹

Во многих отношениях общества Древнего Египта и Шумера развивались параллельными путями. И там и там возникали густонаселенные городские центры, создавались новые способы орошения земель, были изобретены или развиты принципы деления года на недели, а часа – на минуты. Шумеру, вероятно, также принадлежит изобретение колеса, парусных судов, кирпичного производства – и, возможно, еще одно важнейшее открытие: нанесение на влажную глину символов, которые после ее высыхания сохраняют информацию для дальнейшего обращения к ней. Напротив, письменность в Древнем Египте поначалу имела совершенно иные размеры: знаки (глифы), имеющие религиозное значение, писались на стенах или на больших полотнищах, вывешиваемых на фасадах зданий. (Слово «иероглиф» означает «священная резьба».) Со временем эти глифы были приспособлены к меньшему масштабу и стали изображаться чернилами на свитках папируса²².

Простейшие иероглифы были идеограммами, то есть представляли конкретные объекты: изображение быка означало «бык». Затем появились фонограммы, в которых символ обо-

²¹ Метрополитен-музей

²² Tom McArthur, *Worlds of Reference: Lexicography, Learning and Language, from the Clay Tablet to the Computer* (Cambridge, Cambridge University Press, 1986), p. 21–2.

значал звук, имевший какую-то связь с его денотатом: глиф, изображающий самку зайца, использовался не для обозначения зайчихи, но для передачи звуков [w] и [n], то есть согласных, составляющих слово «самка зайца». Символы, которые теперь называются детерминативами, будучи помещенными после слова, указывали на то, к какому классу или категории оно принадлежит: за глифами, обозначающими растения, следовал детерминатив со значением «трава», чтобы показать, что предшествующий ему глиф относится к категории растений; аналогично все символы, за которыми следовал символ «перо из тростника», относились к области идей. Египетский текст мог записываться либо столбцами, читавшимися сверху вниз, либо строками, которые могли читаться в обоих направлениях: читатели определяли порядок символов по лицам на пиктограммах людей и животных, которые всегда были обращены к началу текста. Подобно шумерской клинописи, египетские иероглифы, иератическое письмо и скоропись отличались сложностью, и овладение ими требовало длительного обучения²³.

Письмо было сложным занятием, и, скорее всего, во всем мире его изобретали не больше полдюжины раз – один историк полагает, что таких независимых изобретений письменности за все время существования человечества могло быть всего три^{24,25}. Одной из первых цивилизаций, создавших собственную форму письменности, был Китай. Ранние прототипы письменности появились там в последней четверти II тысячелетия до н. э.: обнаружены предсказания, нацарапанные на лопатках вола и панцирях черепах, называемых гадальными костями (ок. 1200 г. до н. э.). (Фрагменты с резными насечками датируются ок. 4800 г. до н. э., но такие насечки нельзя достоверно назвать письменностью.) Письмо, используемое в Китае сегодня, ведет происхождение от системы письменности, возникшей в эпоху династии Шан, или Инь (ок. 1600–1046 гг. до н. э.). Это логография, где каждое слово представлено символом. В ранней форме некоторые из символов были изображениями конкретных объектов; другие имели характер ребуса – с помощью них логограф передавал слова с похожим звучанием; третьи были связаны не со звучанием, но по смыслу. Как и в случае с египетскими иероглифами, за знаками следовали детерминативы для уточнения их категории²⁶. К 100 г. до н. э. эта система насчитывала около 10 000 символов.

Затем появилась мезоамериканская система письма майя, чьи первые сохранившиеся глифы датируются примерно III в. до н. э. Однако, скорее всего, они восходят к гораздо более ранней письменности или письменностям, о которых мы ничего не знаем. Сегодня считается, что глифы майя были идеограммами, отчасти пиктограммами, но точных сведений об этом нет. Среди более поздних глифов были логограммы, передававшие целые слова; они использовались в сочетании с глифами, обозначавшими отдельные слоги. Они высекались, вырезались

²³ Два абзаца о египетских системах письма взяты из: Robert K. Ritner, 'Egyptian Writing', в Daniels and Bright, *The World's Writing Systems*, p. 73–84; Anne-Marie Christin, ed., *A History of Writing: From Hieroglyph to Multimedia*, trs. Josephine Bacon, Deke Dusinbere and Ian McMorran ([Paris], Flammarion, 2002), с. 45 и далее; Henry George Fischer, 'The Origin of Egyptian Hieroglyphs', in Senner, *The Origins of Writing*, p. 59–76.

²⁴ Я хотела бы отметить, что большая часть этой книги посвящена европейским системам классификации, потому что, хотя алфавит, возникший на Ближнем Востоке около 2000 г. до н. э., почти наверняка был предком всех более поздних алфавитных письменностей, для многих из них, если не для большинства, собственные методы алфавитной организации были разработаны намного позже ее появления в Европе и часто подражали европейскому образцу. Кроме того, эта книга сфокусирована на Европе и англо-американском мире по той причине, что мои знания неевропейских языков весьма ограничены, а также потому, что дальнейшее расширение области исследования потребовало бы значительно увеличить объем книги.

²⁵ Peter T. Daniels, 'Grammatology', in Daniels and Bright, *The World's Writing Systems*, p. 1–2. Имеется в виду шумерская/египетская, китайская и мезоамериканская письменности. Некоторые сомнения касаются глифов Рапануи (острова Пасхи). Глифы ронго-ронго еще предстоит расшифровать, и нет уверенности, что они представляют собой полноценный вариант письменности. В таком случае они были бы единственной независимой полинезийской системой письма и их следовало бы добавить четвертым пунктом в приведенный выше список.

²⁶ William G. Boltz, 'Early Chinese Writing', в Daniels and Bright, *The World's Writing Systems*, p. 191–4.

или наносились краской: на камне, дереве, на стенах и, более компактно, на керамике и коре хинного дерева²⁷.

Все эти письменные системы было трудно освоить: для этого требовалось много времени и ресурсов. Появлению нового способа письма, содержащего менее тридцати символов, предстояло стать открытием – и в конечном счете всемирной революцией. Письмо, если и не было подарено человечеству богами, стало тем не менее искусством, которое тщательно охранялось духовенством и высшим классом: контроль над письмом был необходим для контроля над религией, над государственным управлением, даже над большей частью экономической деятельности. Новая система письма, однако, возникла не в храмах, не во дворцах правителей и даже не в городских центрах. Как мы полагаем, она родилась в Западной пустыне Верхнего Египта, где-то между городами Фивы и Абидос, на пути, который активно использовался торговцами и солдатами, особенно наемниками со всего Ближнего Востока. Эти люди говорили на разных языках и не принадлежали к образованной, грамотной элите. В силу необходимости они общались на креольском языке – гибриде нескольких родных для них языков. И все же именно эти грубые, необразованные, вызывавшие пренебрежение люди, скорее всего, изобрели принцип всех алфавитов мира. И хотя вполне вероятно, что письменность изобреталась не менее полудюжины раз, сама идея алфавита была настолько уникальной по уровню абстракции, что, как полагают, за всю историю человечества она возникла лишь единожды: именно в то время и в том месте. Насколько нам известно, все алфавитные письменности восходят к этому единственному источнику.

Главное нововведение алфавитного письма состоит в том, что оно разделяет все слова на более мелкие единицы, представляющие отдельные звуки без какой-либо связи со значением слова. Это новшество сравнивалось с изобретением денег в Лидии, которое датируется примерно VI в. до н. э.²⁸ И алфавит, и деньги – это абстракции: деньги являются символом стоимости, а не чем-то самоценным; буквы символизируют звуки, не являясь самими звуками. Нам сегодня трудно представить, какова была роль абстрактной природы алфавита в происшедших переменах. Тем не менее алфавитное письмо изменило сам способ мышления. Если английское слово *God* (бог) прочесть в обратном направлении, оно становится словом *dog*, обозначающим собаку. Нельзя сказать, что такого рода инверсия невозможна без алфавита. Но в таком случае это была бы игра, пустая забава. Дело в том, что в неалфавитном письме нет «обратного направления». Слова имеют эфемерный, мимолетный порядок при произнесении – пока они не записаны, их последовательность надежно не установлена. Но как только они зафиксированы с помощью алфавитного письма, устанавливается порядок не только слов, но и их отдельных компонентов – букв. Например, китайские графические символы нельзя разобрать на отдельные элементы, перевернуть и читать в обратном порядке – даже представлять такое не имеет смысла²⁹.

Каким бы радикальным новшеством ни казался алфавит в ретроспективе, простота его использования – требовалось запомнить 20 или 30 символов вместо нескольких тысяч – обеспечила ему быстрое распространение среди странствующих по пустыне людей: были найдены десятки надписей на скалах Западной пустыни, в Вади эль-Холь, которые, как считается, датируются примерно 2050–1550 гг. до н. э. Они еще не расшифрованы полностью, но имеют значительное сходство с более поздним алфавитом северосемитской письменности, расцвет которой пришелся на 1800–1700 гг. до н. э. Вполне вероятно, что надписи были вырезаны иностранными наемниками, которые видели египетские иероглифы, в частности символы, используе-

²⁷ Floyd G. Lounsbury, 'The Ancient Writing of Middle America', in Senner, *The Origins of Writing*, p. 203 и далее.

²⁸ Henri-Jean Martin, *The History and Power of Writing*, trs. Lydia G. Cochrane (Chicago, University of Chicago Press, 1988), p. 37.

²⁹ Идея Уолтера Онга: Walter Ong, *The Presence of the Word: Some Prolegomena for Cultural and Religious History* (New Haven, Yale University Press, 1967), p. 42–3.

мые египтянами для фонетической передачи иностранных слов и имен. Все надписи Вади эль-Холь явно основаны на этих иероглифах, хотя и не передают те же самые звуки – вероятно, это свидетельствует еще и о том, что резчики были знакомы с ними, но не принадлежали к египетскому обществу³⁰.

В языковой группе, объединявшей хананеев, древних евреев, финикийцев и арамеюв, использовалась форма северосемитской письменности, которая имела 22 буквы и была консонантным письмом, то есть алфавитом, состоявшим исключительно из согласных. Мы знаем, что в древнееврейском языке использовался тот же порядок букв, что и в северосемитском, потому что при раскопках была обнаружена надпись конца IX – начала VIII в. до н. э. с первыми пятью буквами древнееврейского алфавита, расположенными в такой же последовательности. Книга Псалмов в Ветхом Завете также включает псалмы, имеющие форму акростиха, в котором каждая строка начинается со слова на следующую букву алфавита; это еще раз подтверждает, что порядок алфавита был установлен уже к VI–V вв. до н. э.

Форма письма, требовавшая от пользователей запомнить лишь два десятка символов, могла быть освоена относительно быстро, по крайней мере по сравнению с длительным периодом обучения клинописи и иероглифике, что обеспечило ей быстрое распространение среди купцов и торговцев. Так алфавит проделал путь от иерархизированного Египта до Израиля, отличавшегося относительным социальным равноправием. (Израиль не был эгалитарным в нашем современном смысле, но был местом, где проповедники из низшего сословия – по крайней мере, согласно книгам пророков в Ветхом Завете – публично и не опасаясь возмездия выступали против высших классов общества, которые управляли религией и законами.)³¹ Затем алфавит через финикийских купцов проник в Грецию – в цивилизацию, сделавшую критическое мышление и исследование философской ценностью³². Алфавит, возможно, появился там еще в XI в. до н. э., однако потребовалось не меньше двух столетий, прежде чем он стал широко использоваться.

Другой потомок первого алфавита развивался независимо: сохранившиеся надписи показывают, что к VI в. до н. э. предшественник арабского алфавита использовался в торговой колонии на юго-западе Аравийского полуострова, где говорили на языках, родственных хананскому, которые называют древними южноаравийскими. Предку современного арабского письма предстояло появиться во II в. до н. э. в Петре, центре Nabatean царства – месте, где говорили на диалекте арамейского языка³³.

Греческий и арабский алфавиты позаимствовали и приспособили семитские названия для каждой буквы алфавита, европейские версии алфавита, кроме того, получили буквы для гласных звуков, в то время как арабский алфавит остался консонантным. Предполагается, что в ранних неалфавитных системах письма каждая пиктограмма называлась именем соответствующего предмета или понятия: пиктограмму вола, вероятно, называли «вол». С алфавитом этот принцип больше не действовал. Изначально название каждой буквы в нем соответствовало определенному слову, которое начиналось с этой буквы, подобно тому, как сегодня объясняют в азбуках: «А – арбуз». Но ко времени более широкого распространения алфавита буквы уже

³⁰ Подробный перечень всех находок из Вади эль-Холь приведен в статье: John Coleman Darnell, F. W. Dobbs-Allsopp, Marilyn J. Lundberg, P. Kyle McCarter and Bruce Zuckerman, 'Two Early Alphabetic Inscriptions from the Wadi el-Hôl: New Evidence for the Origin of the Alphabet from the Western Desert of Egypt', *Annual of the American Schools of Oriental Research*, vol. 59, 2005, p. 63–124; см. также: André Lemaire, 'The Origin of the Western Semitic Alphabet and Scripts', in Christin, *A History of Writing*, p. 203–15.

³¹ Такими пророками были Исаия, Иеремия и Иезекииль; Осия, Иоиль, Амос, Овадия, Иона, Михей, Наум, Аввакум, Софония, Аггей, Захария и Малахия. Первые три, вероятно, жили в VIII в. до н. э., хотя текст соответствующих книг Ветхого Завета, возможно, был написан в VI в. до н. э.; остальные книги, вероятно, были написаны в VI–IV вв. до н. э.

³² Идея о том, что алфавит развивается в эгалитарном или скептическом обществе, рассматривается в: Frank Moore Cross, 'The Invention and Development of the Alphabet', in Senner, *The Origins of Writing*, p. 77, 86.

³³ James A. Bellamy, 'The Arabic Alphabet', in Senner, *The Origins of Writing*, p. 94–6.

утратили связь со словами-названиями, и римляне еще больше сократили их имена³⁴. Древнегреческий язык сохранил семитские очертания алфавита: буквы в нем располагались в основном в том же порядке, за исключением нескольких, которые были добавлены для передачи особенных звуков в греческом; в остальном буквы были почти те же, и изначально таким же было направление чтения. После 800 г. до н. э. этруски заимствовали и приспособили греческий алфавит, внося изменения в соответствии с особенностями собственного языка и произношения; отсюда произошел латинский алфавит, поскольку этруски были ассимилированы ранней Римской республикой вскоре после IV в. до н. э. Латинский алфавит использовал 21 греческую букву, отбросив Z (*zeta*) как ненужную и добавив G, а затем восстановив Z и Y, чтобы иметь возможность транслитерировать греческие имена.

Впрочем, в то время еще никто не использовал слово «алфавит», которое появилось на удивление поздно. Римляне называли его *literae* или *elementa*, «буквы» или «элементы», что является переводом с греческого. Примерно к 200 г. н. э. относится первое сохранившееся упоминание слова «алфавит» – у римского богослова Ипполита, в словосочетании *ex Graecorum alphabeto* («из греческого алфавита»). В IV в. св. Иероним Стридонский уже использовал это слово как хорошо известное, назвав своей целью *ut alphabetum [Hebraicum] discerem* («выучить еврейский алфавит»)³⁵.

Однако изучение алфавита, даже в определенном порядке следования букв, еще не означает использования алфавитного порядка. Как мы убедились, алфавит с самого начала имел относительно устойчивую последовательность, за исключением отдельных букв. Но потребовалось около трех тысяч лет, прежде чем человек осознал, что этот порядок можно использовать для других целей, помимо запоминания названий букв при обучении чтению.

В 2350 г. до н. э. Шумер завоевали аккадцы, которые, как это нередко бывало с завоевателями, переняли многие элементы побежденной цивилизации. Заимствовав у шумеров хорошо развитую систему управления, аккадцы нуждались в чиновниках, способных читать по-шумерски. Шумерский, однако, в отличие от аккадского, не был семитским языком. Наличие двух столь разных языков обусловило появление многочисленных двуязычных списков слов, ранних предшественников словарей. Древнейшим примером такого списка является Урра-Хубуллу или Харра-Хубуллу – шумеро-аккадская энциклопедия-словарь, состоящая из 24 словарных табличек, датированных 2000 г. до н. э. Слова в них сгруппированы по темам: закон, государственная администрация и разные объекты – от морских и сухопутных транспортных средств до различных видов животных. Внутри этих категорий предметы сортируются по материалу, из которого они были изготовлены: например, были таблички с названиями деревьев и, соответственно, всего, что было сделано из дерева, от кораблей до повозок; другая категория – для всего сделанного из глины.

Подобные списки слов, прообразы тематических групп лексики в современных разговорниках, стали привычным подспорьем, особенно для поставщиков и торговцев, которым постоянно приходилось иметь дело с людьми из самых разных частей света. Эти списки могли составляться по различным принципам. Так, неподалеку от Финикии, в Эбле (близ современного Алеппо), найдены списки слов, расположенных по звучанию первого слога³⁶.

Более общий принцип организации и категоризации обнаруживается в находках из раскопок города Каниш (современный поселок Кюльтепе, в центральной Анатолии), где было най-

³⁴ Впрочем, некоторые названия букв сохраняют семантику или ее следы даже спустя тысячелетия. В греческом языке омикрон, *o mikron*, – это «малое о», что объясняет различие между этой буквой и омегой, *ō mega* – «большим о»; название эпсилон, *e psilon* («голое е»), поясняет, что эта буква отличается от *ēta*, которая, благодаря «облеченному» ударению – циркумфлексу (^), не обнажена, но одета. На французском языке название буквы Y произносится как [и-грек], то есть «греческое и», а на английском языке буква W называется «дабл-ю» – напоминание о том, что эта буква появилась из соединения двух U.

³⁵ Diringier and Regensburger, *The Alphabet*, vol. 1, p. 145.

³⁶ McArthur, *Worlds of Reference*, p. 25.

дено около 20 000 клинописных табличек. Там в разных местах хранились таблички с различными сведениями, тщательно подобранные по виду и содержанию. Некоторые из подборок до сих пор сохранили глиняные ярлычки с описанием содержания: «донесения от А», «таблички города», «таблички, которые являются копиями...», «таблички, содержащие завещание РМ», «свидетельство РN» и т. д.³⁷³⁸

Кое-где буквы алфавита использовались для маркировки в строительстве и столярном деле. В Нимруде (IX в. до н. э.) детали из слоновой кости, предназначенные для инкрустации мебели, помечены на обратной стороне буквами алфавита, чтобы обозначить порядок, в котором их следует установить: это свидетельствует о том, что мастера знали последовательность букв в алфавите. Шесть веков спустя буквы были вырезаны на деревянных бимсах (поперечных балках) корабля для указания плотникам – нечто подобное мы видим на страницах инструкций для современной разборной мебели. В Петре (I в. до н. э.) большие блоки обтесанного камня также помечены буквами, по-видимому, чтобы показать порядок, в котором они должны устанавливаться в храме³⁹. Таким образом, алфавит использовался как организующий инструмент, но еще не использовался как способ сортировки. Он указывал последовательность (бимс А следовало установить перед бимсом В), но не определял, что все предметы, начинающиеся с буквы А, должны находиться в одном месте, а все объекты, начинающиеся с буквы Б, – в другом месте. На тот момент, похоже, в этом не было необходимости.

В Древней Греции надписи на стенах в буквальном смысле слова высекались на камне. Начиная примерно с 650 г. до н. э. законы стали иногда записываться на более компактных поверхностях: в Пританее, месте заседаний исполнительной власти, имелись письменные таблички, на которых устные указы фиксировались в более долговечной форме⁴⁰. Но неизвестно, как они впоследствии хранились и сортировались. Имеется всего несколько образцов записей, которые могли бы рассказать нам о том, что представляли собой классификация и категоризация в Древнем мире. Два древнейших списка известны по «Илиаде» (Песнь II), датируемой VIII–VII вв. до н. э.: один представляет собой перечень 1186 греческих кораблей, а другой – перечисление воинов, сражавшихся за Троию. Оба (в основном) упорядочены по географическому принципу. Четыре столетия спустя географический принцип был применен для официального списка афинских граждан, разделенного на демы (районы)⁴¹. В VI в. до н. э. (приблизительно, поскольку точная дата неизвестна) в «Каталоге женщин» – поэме, часто приписываемой Гесиоду, – в качестве основного принципа перечисления использовалась генеалогия.

Сортировка по предмету, материалу, географическому положению, генеалогии... – похоже, составители списков в древности сталкивались с постоянно растущими объемами

³⁷ Конечно, глина относительно долговечна. У нас есть скудные, но весьма любопытные находки других письменных материалов и, соответственно, свидетельства о существовании других систем организации. В Турции был обнаружен набор соединенных петлями восковых дощечек, датируемых концом XX в. до н. э., свидетельствующий о том, что в I тысячелетии до нашей эры для записей использовался и менее прочный материал. Другая находка из Нимруда представляет собой целую табличку для письма из слоновой кости, а также фрагменты табличек из слоновой кости и из дерева. (О более поздних формах временных записей см. в главе 7)** Jerrold S. Cooper, 'Sumerian and Akkadian', in Daniels and Bright, *The World's Writing Systems*, p. 40.

³⁸ Klaas R. Veenhof, 'Archives of Assyrian Traders', in Maria Brosius, ed., *Ancient Archives and Archival Traditions: Concepts of Record-Keeping in the Ancient World* (Oxford, Oxford University Press, 2003), p. 102–3.

³⁹ Цит. по: O'Connor, 'Alphabet as Technology', in Daniels and Bright, *The World's Writing Systems*, p. 291–2. О датировке см.: Нимруд: A. R. Millard, 'Alphabetical Inscriptions on Ivories from Nimrud', *Iraq*, vol. 24, no. 1, 1962, p. 41, 50. О корабле, позднее потерпевшем крушение у берегов Сицилии, см.: Aïcha ben Abed ben Khader and David Soren, *Carthage: A Mosaic of Ancient Tunisia* (New York, W. W. Norton, 1987), p. 33; о каменных блоках в Петре см.: Philip C. Hammond, David J. Johnson, Richard N. Jones, 'A Religio-Legal Nabataean Inscription from the Atargatis/Al-'Uzza Temple at Petra', *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*, no. 263, 1986, p. 77.

⁴⁰ Martin, *The History and Power of Writing*, p. 47.

⁴¹ Lloyd W. Daly, *Contributions to a History of Alphabetization in Antiquity and the Middle Ages* (Brussels, Latomus, 1967), p. 11–15.

информации и рассматривали ее упорядочение как сложный процесс, имеющий множество разновидностей. Но прежде чем перейти к рассмотрению систем классификации, из которых они выбирали, необходимо сделать техническое отступление.

Папирус, начиная примерно с IV тысячелетия до н. э., широко использовался как писчий материал в Древнем Египте. Он изготовлялся из тростника, который был широко доступен, сравнительно дешев и легко поддавался обработке, а потому был распространен по всему Средиземноморью. Основной недостаток папируса проявляется только со временем: он начинает разрушаться через столетие и полностью распадается в течение двух. Напротив, пергамент, изготовленный из шкур животных, куда долговечнее. Произведенный первоначально в IV в. до н. э. в городе Пергам (Пергамон), от названия которого и происходит слово «пергамент», ко II в. до н. э. он уже широко использовался. И рост употребления пергамента в последующие несколько столетий был в значительной степени обусловлен долгим сроком службы. Для того чтобы произведения, изначально записанные на папирусе, сохранились до наших дней, им следовало быть достаточно значимыми или популярными – так, чтобы их переписали несколько раз и в конце концов перенесли на более долговечный материал, каким был пергамент⁴². В связи с этим важно помнить, что уцелевшие тексты доклассического периода, за редкими исключениями, переписывались вновь и вновь множество раз и потому нередко сохраняют следы позднейшего вмешательства в порядок и смысл текстов.

С современной точки зрения нет ничего удивительного в том, что в IV в. до н. э. Аристотель расположил свои «Конституции», или «Политии», отчасти в алфавитном порядке. Но мы должны учитывать, на каком материале были написаны эти произведения, сколько раз они были переписаны и сколько раз могли подвергнуться исправлениям, изменениям и перестановке. Поскольку нет никаких свидетельств, которые позволили бы нам узнать, когда были разработаны дошедшие до наших дней порядок и расположение этих текстов, не существует никаких доказательств того, что они были установлены самим Аристотелем или что перестановка текстов произошла уже в первые века распространения его трудов. Первое упоминание о том, что книги «Политий» расположены в алфавитном порядке, сохранилось в тексте, написанном несколько столетий спустя – автором, работавшим в египетской Александрии, и это отнюдь не случайный факт: Египет Птолемеев – династии, основанной в 323 г. до н. э. и закончившейся смертью Клеопатры в 30 г. до н. э., – был единственным местом и единственным периодом последовательного использования алфавитного порядка в средиземноморском мире – вплоть до эпохи Высокого Средневековья⁴³.

В конце IV – начале III в. до н. э. ученый и поэт Филит Косский составил глоссарий, из которого сохранились лишь крошечные фрагменты. Его название переводилось как «Редкие слова в произвольном порядке», что как будто предполагает случайное размещение записей, но из него же следует, что автор признавал существование определенного порядка, который он решил игнорировать. Тем не менее среди других возможных переводов этого названия мы находим «Разнообразные глоссы» и «Нерегулярные глоссы», то есть предполагается, что «нерегулярными» были сами слова, а не их расположение, так как глоссарий охватывал диалектную лексику⁴⁴. Впрочем, решающим обстоятельством, позволяющим предпочесть одно из толкований, может быть то, что Филит жил в Александрии и был учителем Птолемея II Филадельфа (308/9–246 гг. до н. э.) – мальчика, которому предстояло стать царем Египта. Глосса-

⁴² Как отметила Энн Блэр: Ann Blair, *Too Much to Know: Managing Scholarly Information Before the Modern Age* (New Haven, Yale University Press, 2010), p. 18.

⁴³ Aristotle's *Constitutions*: Daly, *Contributions*, p. 16–17; *Politics*: John J. Keaney, 'The Alleged Alphabetization of Aristotle's *Politeia*', *Classical Philology*, vol. 64, no. 4, p. 213–18; автор, впрочем, не связывает расположение «Политий» с более широким распространением алфавитного порядка в птолемеевском Египте.

⁴⁴ Myrto Hatzimichali, 'Encyclopaedism in the Alexandrian Library', in Jason König and Greg Woolf, eds., *Encyclopaedism from Antiquity to the Renaissance* (Cambridge, Cambridge University Press, 2013), p. 76.

рий Филита мог быть неупорядоченным, фрагментарным или диалектным, или же он мог быть назван «беспорядочным», поскольку не был выстроен по алфавиту. Хотя вполне возможно и даже вероятно то, что Филиту был хорошо известен алфавитный порядок. Одному из его более поздних учеников, грамматiku Зенодоту, который примерно в 285 г. до н. э. стал первым библиотекарем Великой (или Царской) Александрийской библиотеки, он был известен наверняка.

Александрийская библиотека была основана около 300 г. до н. э. и процветала при Птолемею I (ок. 367–283/2 гг. до н. э.), отце ученика Филита, Птолемея II. Птолемей I был заядлым коллекционером: он не только просил книги у иностранных правителей, но и требовал, чтобы каждый путешественник, прибывающий в Александрию по суше или по морю, временно сдавал все свои книги, чтобы с них можно было сделать списки для его библиотеки. Его страсть была так велика, что многие подозревали, будто владельцу возвращались именно копии, а оригиналы оставались в библиотеке. Хранились ли в библиотеке оригиналы или копии, сколько свитков в конечном счете она насчитывала, никто не знает, но, по некоторым оценкам, до полумиллиона. (Следует отметить, что свитки не отличаются компактностью; кроме того, для записи текста, который теперь уместился бы в одном печатном томе, требовалось множество свитков.)

Размещение беспрецедентного количества рукописей в одном хранилище обусловило потребность в систематизации. Сегодня ученые полагают, что специалисты в любой области могут запоминать до нескольких сотен предметов, относящихся к их специальности. Как только это число превышено, возникает необходимость в подсказках. Расположению свитков в Александрийской библиотеке посвящено много исследований, но важно отметить, что о нем ничего не известно наверняка. Какая-то информация у нас имеется, но гораздо больше выдвигается предположений, призванных восполнить пробелы; все предположения строятся на основе немногих сохранившихся фрагментов и косвенных данных.

Многие историки полагают, что работавший в библиотеке поэт и ученый Каллимах (ок. 310–240 гг. до н. э.) был автором ее каталога под названием «Таблицы» (*Pinakes*), который считают первым в мире библиотечным каталогом⁴⁵. Но это предположение вызывает много вопросов и нуждается в уточнении. Каллимах не работал в библиотеке в том смысле, что он там не служил; он был членом Мусейона – общества служителей муз, учреждения, в которое входили выдающиеся ученые, имевшие доступ к свиткам. И Каллимах мог быть, но мог и не быть автором «Таблиц»: его имя могли связать с каталогом просто в силу его известности. Настоящим библиотекарем был Зенодот, ученик Филита. Он тоже может иметь (или не иметь) какое-то отношение к «Таблицам» или к расположению свитков на библиотечных полках⁴⁶. Сам каталог не сохранился; наши знания о его содержании и устройстве основаны на более поздних сообщениях. Полное название каталога – «Таблицы людей, прославленных во всех областях учености, и их трудов» – намекает на то, что произведение могло быть вовсе не каталогом библиотеки, а библиографией. (Инвентарная опись библиотеки содержит сведения о том, чем владеет библиотека; каталог библиотеки – о том, что в ней хранится, и о том, как расположены

⁴⁵ Слово «таблицы» вплоть до XVIII в., а иногда и позже использовалось для обозначения множества типов краткого изложения или обзора сведений, организованных различными способами. Сегодня для многих из них имеются специальные термины и названия, например «оглавление», таблица умножения (таблица Пифагора), Периодическая таблица (таблица Менделеева); а родовое понятие «таблица» используется для сводок статистического материала, расположенного в столбцах (сюда относятся, например, таблицы результатов спортивных состязаний). Тем не менее в более ранние периоды, описанные в этой книге, под таблицами могло подразумеваться что угодно из перечисленного выше, а также указатели, конкордансы, каталоги или описи, диаграммы или комбинации из нескольких подобных элементов.

⁴⁶ Daly, *Contributions*, p. 22–5, и Rudolf Blum, *Kallimachos: The Alexandrian Library and the Origins of Bibliography*, trs. Hans H. Wellisch (Madison, University of Wisconsin Press, 1991), s. 226–7, благоразумно приписывают применение алфавитного порядка Зенодоту. Другие без колебаний утверждают, что Каллимах был автором *Pinakes* и что в них было использовано алфавитное расположение, как, например: Margaret Zeegers and Deirdre Barron, *Gatekeepers of Knowledge: A Consideration of the Library, the Book and the Scholar in the Western World* (Oxford, Chandos, 2010), p. 12–13; Fred Lerner, *The Story of Libraries: From the Invention of Writing to the Computer Age* (New York, Continuum, 2009), p. 16–17.

эти книги. Библиография – это перечень трудов, объединенных тем или иным предметом или относящихся к определенному автору, месту или, позднее, к издателю.)

Что бы ни содержали «Таблицы», будь то список произведений, имевшихся в Александрийской библиотеке, или сочинений, которые их автор считал важными, вполне вероятно, что записи были сгруппированы в первую очередь по жанру: поэзия, разделенная на эпическую, лирическую, трагическую и комическую; история; философия, которая также включала натурфилософию, или то, что сегодня мы называем естествознанием; медицина; право и, наконец, смешанные группы. После такой первичной классификации, насколько можно судить по сохранившемуся фрагменту «Таблиц» III в., свитки, относящиеся к каждому из жанров, располагались в алфавитном порядке (по первой букве): авторы, чьи имена начинались с А, в одном разделе, те, чьи имена начались с Б, в следующем. Хотя сегодня мы не представляем себе алфавитное расположение как что-то, что может соблюдаться лишь отчасти – записи либо находятся в алфавитном порядке, либо нет, – исторически алфавитный порядок развивался постепенно.

В Александрийской библиотеке, по-видимому, алфавитный порядок распространялся только на начальную букву, а все последующие не принимались во внимание при составлении списка. Лишь в Средние века при расположении по алфавиту начали принимать во внимание вторые, а затем и третьи буквы слова. С тех пор, например, Аристотель уже не мог стоять прежде Алкесты, а Демосфен – после Диониса. Начиная с IX–X вв. списки составлялись на основе двух первых букв, без учета третьей: например, допускалась последовательность «Катон – Кальпурния – Катулл». После того как алфавитный принцип распространился на третью букву, приемлемыми могли считаться последовательности: «Кальпурния – Катулл – Катон» или «Кальпурния – Катон – Катулл». Лишь спустя еще несколько веков стал нормой абсолютный алфавитный порядок, учитывающий все буквы слова, в результате чего единственно возможной в алфавитном списке стала последовательность «Кальпурния – Катон – Катулл».

Впрочем, даже таким образом примерно три четверти свитков Александрийской библиотеки не получилось бы расположить по алфавиту, поскольку они, скорее всего, представляли собой сборники, то есть в одном свитке содержались произведения разных авторов. В каком порядке располагались они – неизвестно. Как мы уже видели, в Греции алфавитный порядок, если и применялся, был лишь одним из множества принципов сортировки. Существовали глоссарии, или списки слов, составленные Зенодотом и Каллимахом. Глоссарий Каллимаха, называвшийся «Местные слова», по всей видимости, имел тематическую организацию; «Редкие слова» Зенодота, по некоторым сведениям, располагались по алфавиту. Глоссарий греческого языка послегомеровской эпохи, составленный учеником обоих лексикографов, почти наверняка использовал тематическую расстановку глосс⁴⁷.

Хотя мы располагаем немногочисленными и неокончательными данными о принципах организации, применявшихся в Александрийской библиотеке, сохранились документы, относящиеся к тому же региону и той же эпохе, которые свидетельствуют о том, что алфавитный принцип был уже известен; таким образом, с большей степенью вероятности можно предполагать, что в «Таблицах» Каллимаха, равно как и в Александрийской библиотеке, в некоторой форме применялось алфавитное расположение по первой букве. Подтверждение этому можно найти в собрании рукописей, известном как Оксиринхские папирусы⁴⁸. В частности, на оборотной стороне налогового реестра имеется неполный список произведений Еврипида, состав-

⁴⁷ Hatzimichali, 'Encyclopaedism', in König and Woolf, *Encyclopaedism from Antiquity*, p. 76–7.

⁴⁸ Эти документы, около полумиллиона папирусов, датированных периодом с III в. до н. э. по VII в. н. э., сохранились случайно и были обнаружены в конце XIX в. примерно в 150 км к юго-западу от современного Каира. Большую часть из них составляют государственные документы – налоговые реестры или судебные протоколы, а также деловые записи – счета, описи и объявления о продаже; однако встречаются и образцы частной переписки и литературных произведений. Тексты написаны на египетском, древнееврейском, арамейском, греческом, латинском и арабском языках.

ленный по первым буквам в алфавитном порядке. Кроме того, сохранился алфавитный список имен купцов, по одному на каждую букву; также близ Карнака найден керамический фрагмент II в. до н. э. с перечнем греческих или римских имен, по одному на каждую букву алфавита – и тоже в алфавитном порядке. Уцелевшие налоговые документы и материалы переписи населения также содержат фрагменты списков, расположенных в алфавитном порядке по первой букве⁴⁹.

Однако наряду с этими списками существуют сотни других документов, в которых алфавитный порядок мог быть использован, но не использовался. Из трех сохранившихся от той эпохи перечней книг только один составлен по алфавиту⁵⁰. Аналогичная картина наблюдается в сохранившихся списках слов, или глоссариях, древнеегипетского периода: они составлены преимущественно по тематическому принципу, так что расположение слов по группам отражает иерархию мироздания: сначала небо, море и земля, затем люди, согласно их социальному положению и роду занятий, сословиям и кланам, и т. д. Другие глоссарии организованы по звуковому принципу, то есть с использованием системы, напоминающей алфавитный порядок, если не тождественной ему⁵¹.

Как бы то ни было, представление об алфавитном порядке и его применение не ограничивались Египтом. На греческих островах Кос, Калимнос и Родос, а также на материке – в районе Беотии и греческих Фив – найдены надписи, в которых эпизодически используется алфавитный порядок (подобно тому, что мы видели в Египте эпохи Птолемеев): например, в списке последователей культа Аполлона Делосского имена распределены сперва по семействам и полу, затем по возрасту и месту жительства, но внутри этих категорий они расставлены в алфавитном порядке по первой букве. Перечень морских рыб – возможно, прейскурант торговца – также был составлен по алфавиту. Надпись, высеченная на камне на Родосе столетие спустя, включает фрагмент списка книг, составленного в алфавитном порядке⁵².

Такие примеры очень редки, поэтому можно сказать о каждом по отдельности. Греки, особенно жившие в Египте эпохи Птолемеев, умели пользоваться алфавитным порядком, но явно считали его не слишком полезным и обычно пренебрегали им. Еще реже применяли этот способ римляне, предпочитая сортировку по географическим категориям. Среди тысяч надписей, датируемых VII в. до н. э. – V в. н. э., найденных на бывшей территории Римской империи, всего в четырех встречается расположение по алфавиту⁵³.

Напротив, создается впечатление, что алфавит не столько рассматривался как полезный инструмент, сколько имел символическое или игровое значение. Девять псалмов Ветхого Завета представляют собой акrostихи, в которых каждая следующая строка или группа строк начинается со следующей буквы древнееврейского алфавита. Например, первые две строки псалма 9 начинаются с *алеф*, то есть А, следующие две – с *бет*, то есть Б, и т. д.: завершенность и последовательность алфавита символизируют в них совершенство и упорядоченность божественного творения – мироздания. Для светских писателей в античные времена алфавит в большей степени являлся игрой. Например, в одном из стихотворений поэт II в. до н. э. Никандр записал свое имя посредством акrostиха. Римский драматург Плавт (254–187 гг. до н. э.) вставлял в свои комедии акrostихи и использовал алфавитный порядок для создания комического эффекта: в одной из пьес жена застаёт своего мужа с другой женщиной и

⁴⁹ Daly, *Contributions*, p. 23, 40.

⁵⁰ Там же, p. 45–50, 75.

⁵¹ Werner Hülsen, *English Dictionaries, 800–1700: The Topical Tradition* (Oxford, Clarendon Press, 2006), p. 30–31.

⁵² Daly, *Contributions*, p. 20–21; Blum, *Kallimachos*, p. 185.

⁵³ Daly, *Contributions*, p. 61.

воскликает: *Hoc ecastor est quod ille it ad cenam cottidie. Ait sese ire ad Archidemum, Chaeream, Chaerestratum, Cliniam, Chremem, Cratinum, Diniam, Demosthenem*⁵⁴.

Другие римские писатели упорно отвергали алфавитный порядок. Грамматик и антиквар Варрон (116–27 гг. до н. э.), будучи эллинистом, использовал алфавитное расположение – которое, как мы уже видели, было более употребительным в Греции и греческом Египте – для списка авторов в своем труде «О сельском хозяйстве». Но когда другой римский автор переписывал его, он перераспределил имена по географическому принципу – или потому, что не был знаком с алфавитным порядком и не понял расположение имен у Варрона, или же потому, что такой порядок казался ему лишеным смысла. Однако некоторые другие римские писатели смогли оценить принцип упорядочения, примененный Варроном. В «Естественной истории», написанной в 77–79 гг. н. э., Плиний Старший опирался на Варрона при составлении списка получателей жертвенного мяса: всего 31 имя и все они расположены в алфавитном порядке по первой букве. В других местах у Плиния использование алфавитного расположения в списках или отказ от него могут показаться случайными; возможно, дело в том, что Плиний следовал расположению информации, использованному в его источнике: если в нем применялся алфавитный порядок, он воспроизводил его; если нет, то его нет и у Плиния. Вергилий (70–19 гг. до н. э.) в «Энеиде» также обращается к алфавитному порядку при перечислении героев (за одним исключением в середине списка): *Aventinus, Catillus, Coras, Caeculus, Messapus, Clausus, Halaesus, Oebalus, Ufens, Umbro, Virbius*

⁵⁴ «Оттого-то и уходит каждый день он ужинать. Вишь, идет он к Архидему, к Херострату, к Херее, Клинии, Кратину, Хрему, к Демофену, к Динии!» (Плавт, «Ослы», ст. 864–866; пер. А. В. Аргюшкова).

⁵⁵ Там же, р. 10–51.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.